

10 ДЕК 40 6

Леонид Николаевич Колобов

В труппу госпожи Дюкавей приглашен новый актер. Фамилия актера — Колобов. Об этом очень маленьким шрифтом сообщает газета «Южный край», где-то в конце последней колонки между хроникой ограблений, пожаров, краж и всякими полицейскими уведомлениями.

Гильдейские купцы-театралы ходили в театр больше по обязанности (хозяину торгового дома как-то не пристало не иметь собственной лужки). Что им приглашение нового актера?

— Вот ежели б, — рассуждали они, — певичку новую пригласила госпожа Дюкова, тогда другой разговор... А то какой-то Голубов, Колубов или как там его... Этим нас не удивить!

Да, удивить первотитлейцев безвестной фамилией молодого актера было действительно трудно. Но те, что по-настоящему любили и знали театр, уже прослышали о Колобове. Это была еще не слава, даже не популярность, попросту, минуя рублевые журналы во всероссийских театральных кулуарах шла уже молва о новом таланте, «подающем большие надежды».

На спектаклях ютились эти любители театра большей частью на студенческой галерке. Аплодировали яростно. Но на официальный, так сказать, успех почти не влияли.

В вечер дебюта, когда утихла «утолока» передвижных декораций и в оркестре уже начиналась пробная переключка флейт и скрипок, актер на цыпочках подходил к «глазку» занавеса и с опаской смотрел в зрительный зал. В зале люстра уже потушена, горят только бра. Галерея и верхние ярусы едва виднеются

из золотистых сумерок. В первом ряду — наглухо застегнутые сюртуки отцов города, светлые мундиры жандармских офицеров. Медным пунктиром пуговид, блестящим эфесом сабли, поставленной меж монументальных ног, обозначена фигура полицмейстера. Все в порядке. Можно начинать.

У дебютанта бледность проступает из-под румян, трясется колено и собственное сердцебиение он готов принять за дробь барабана. А барабан и правду между тем, загремел в оркестре. Вступили флейты и скрипки. Занавес раздвигается. Начинается головокружительный полет красоток-французонок, ветреных, жадных, любвеобильных. Поют веселые и

двусмысленные шансонетки. Иногда любовники стреляются и умирают в красивых позах балерин.

Обо всем этом не стоило бы так подробно вспоминать, если бы это не было началом жизни, творческой юностью огромного большинства провинциальных актеров. Так начинал и Леонид Николаевич Колобов.

Молодой актер делал все, что мог, в обветшалых французистых водевилях, производства доморожденных драмателов, но, что называется «не прошел». Не понравился.

Да и как мог он играть вторых любовников в полных и пустых пьесах, если с самой ранней юности успел уже надышаться свежим воздухом великого русского реалистического искусства?

Мог ли он бездумно фланировать по сцене в узких, модных панталонах, в завитом парике, если успел уже вдоволь побродить по невеселой, но родной и великой земле драматургии Островского?

И Колобов провалился. Провалился по всем правилам: окаменело молчаливое партер, свистел приказничий амфитеатр и товарищи по сцене смущенно отводили в сторону глаза. Рецензент «Южного края» по-своему понял молчание партера. Он так заканчивал статейку: «Вообще с приглашением господина Колобова в труппу госпожи Дюкову поздравить нельзя».

Колобов часами пресиджал в своей артистической уборной. Снова и снова решал он для себя вопрос: быть или не быть? Своей ли идет он дорогой?

Как всегда, в грустные и одинокие часы жизни приходили воспоминания.

...Северный серебристый пейзаж Вологды. Домик у речки Золотухи. Большая семья политического ссыльного, почтальона Николая Колобова жила тесно и бедно. Но жизнь стала совсем невозможной, когда старик Колобов заболел невольной в России болезнью, страшным таежным заносом. Семья разбросалась. Десятилетнего Леонида отвезли в Москву и отдали на службу в комиссионную контору, в какому-то родственнику. Леонид стал посыльным. Навыученный посыльными, он по целым дням бегал между почтой и конторой. Жизнь, казалось, замкнулась в этом скучном и маленьком кругу. И вдруг все это провалилось, пропало нивесть куда: и тучки посылок, и грохот пролеток, и тяжелый топот битого. С галерки театра Корша мальчик увидел пьесу Островского «Бедность не порок». В тот вечер решила его судьба. Не по-детски твердо двенадцатилетний Леонид Колобов решил — от театра не уйти.

Где-то раздобыл он книжку «Бедность не порок». Попржнему навьюченный посылками, ходил по Москве и громко читал целые сцены из пьесы Островского. Прохожие оглядывались и прислушивались. Но это не смущало мальчика. Другого времени для репетиций не было и он репетировал на ходу.

Потом подросток Колобов участвует в театральном предприятии некоего Полонского. Это была какая-то коммерчески творческая артель. Участники спектакля сами продавали билеты. Кто продавал больше билетов, тот получал лучшую роль.

Наконец, в 1892 году Колобов попадает в доршевский ансамбль в Пензу. Это была уже не игра в театр, а начало творческой биографии актера. В труппе Малиновской Колобов получает первый двадцатипятирублевый оклад. Начались блуждания по медвежьим углам России,

спектакли в продутых сквозняком сараях при свете керосиновых ламп. Жизнь, о которой мечтал Колобов, оказалась трудной, иногда унижительной, но другой жизни уже не было и быть не могло.

Однажды в Ярославле игру Колобова увидел московский артист-любитель Алексеев-Станиславский. Он запомнил Колобова. И когда Константин Сергеевич стал собирать труппу для будущего МХАТа, он разыскал Леонида Колобова.

Леонид Николаевич пришел к великому режиссеру в каком-то незнакомом сюртуке и полосатых штанах. К. С. Станиславский усадил его в кресло и стал расспрашивать. Колобов толково рассказывал, что играл, где играл. Станиславский хмуро перебирал гостя.

— Ничего вы не играли! Забудьте все! Я вас буду учить, — и вдруг совсем неожиданно опустил ладонь на колено Колобова и почти рассерженно сказал: — А таких броек теперь не носят, молодой человек, не носят...

Колобов не пошел в труппу Станиславского. Купеческая затея, — ворчали кругом...

Обо всем этом вспоминал Леонид Николаевич, запершись в узкой каморке артистической уборной. Провал оставался все же фактом и от этого вспоминать о прошлом и думать о будущем было горько.

Однажды в уборную тихо постучали. Колобов открыл досчатую дверь. В комнату вошел рабочий сцены — Иван, по прозвищу Окаянный. Он был так огромен, что запрокинул собою всю комнату.

— Чем могу служить? — хмуро спросил актер.

— Да так, зашел проведавать... Тяжело, небось, человеку, дай, думаю, зайду, — тихо ответил Иван.

Они разговаривали сердечно и долго, как давние друзья.

— Дело у нас с вами такое, Леонид Николаевич, — сказал на прощанье Иван, — что унывать непозволительно. Искусство... Да и большая у вас впереди судьба... Вот вспомните мое слово.

Прав оказался, конечно, Иван, по прозвищу Окаянный, а не рецензент «Южного края». Колобов стал самим собой, большим и хорошим актером, как только его выпустили из душных будuarов французских пьесок на широкие просторы пьес Грибоедова, Гоголя, Островского, Чехова, Горького.

Уже через несколько месяцев тот же «Южный край» извещал от восторга: «Но господин Колобов... Ах, этот Колобов! Как он умеет подойти к роли, загримироваться, воспринять тело и душу».

Л. Н. Колобов стал одним из любимых актеров Харькова. И не только Харькова. Его имя хорошо знали в Ростове, Баку, Тбилиси.

В архиве актера сохранилось множество газетных рецензий, где ловким, старомодным стилем, на все лады, восхвалялся «господин Колобов». Эти желтые газетные листки — не опавшие листья когда-то шумного дерева славы. Дерево разрасталось.

Революция подняла творчество Колобова, как и все, что было чистого и подлинно народного в русском искусстве, на новую высоту. В годы гражданской войны актер не ушел со сцены. Театр был нужен красноармейцам, как хлеб и патроны. И как ни трудно было играть в нетопленных театрах прифронтовой полосы, где орудийные раскаты по ходу пьесы заглушались всамделишной канонадой, — но об этих годах легко и сердечно вспоминает Леонид Николаевич.

Когда Деникин подходил к Орлу, советская власть, покидая город, позаботилась об актерах. Им был оставлен месячный оклад.

Леонид Николаевич помнит мрачные дни денкинского произвола. Труппу заставили играть. Театр заполнялся пьяным офицером. Однажды какой-то хмельной поручик, под свист и хохот публики, среди действия прошлепал по сцене. Оказывается, он заключил пари, что совершит такой «героический» поступок. Офицеры не нуждались в искусстве. Это видел Колобов и его товарищи по сцене.

Дни возвращения советской власти в Орел стали праздником для всех — подпольщиков, рабочих, актеров. С этих дней начинается самая зрелая и уверенная пора в творчестве Леонида Николаевича.

Воспитанник русского реалистического искусства, он всегда оставался верен жизненности, простоте, высокому гражданскому пафосу лучших его представителей. В «Горе от ума», «Ревизоре» и других классических пьесах Колобов переиграл все мужские роли. Количественно — это не так уж много, но для этого потребовалась целая жизнь. От Чацкого до Сквозника-Дмухановского!.. Надо обладать силой подлинно артистического перерождения, чтобы преодолевать в искусстве такие дистанции. Колобову всегда была свойственна эта сила. Он полон этой силы и сейчас, накануне своего 45-летнего юбилея.

Сорок пять лет прожил Леонид Николаевич на сцене. Великая Октябрьская революция делит эту жизнь почти на две равные части. Но равенство тут только арифметическое. И хоть в первой части осталась юность и молодость, ошибки, заблуждения и первые победы, вторая часть — много ценней. В ней — уверенная зрелость, большое осмысленное мастерство и, самое главное, — подлинная социалистическая свобода искусства нашей сталинской эпохи.

А. КОСТРОВ